

Теория толпы Л.Н. Войтоловского: ключевые идеи

Д.С. ГОРБАТОВ

*доктор психологических наук, профессор кафедры менеджмента
массовых коммуникаций факультета прикладных коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета*

В статье излагается основное содержание теории толпы, разработанной Л.Н. Войтоловским в 20-е годы XX века, уточняются ее принципиальные отличия от других теорий того времени. Специфика толпы как социального объединения, ее склонность к экстремальному поведению, изменения личности в толпе, эмоциональные аспекты взаимодействия — таков перечень вопросов, интересовавших автора последней теории толпы советского периода.

Ключевые слова: толпа, социальная психология толпы, теория Л.Н. Войтоловского, свойства толпы, влияние на личность в толпе, эмоции толпы.

Среди основоположников научного изучения толпы конца XIX — начала XX века не существовало единства мнений относительно такой ее характеристики, как склонность к жестокости, насилию и разрушению. Так, например, Г. Тард писал, что в своем скопище люди «тотчас становятся совершенно чуждыми остальному человечеству, не входящему в их группу, делают неспособными сочувствовать страданиям других людей, еще недавно бывших их братьями и согражданами, а теперь ставших для них совершенно чуждыми или даже врагами, годными лишь к тому, чтобы их жечь, убивать или грабить» [10, с. 7–8]. Точно так же С. Сигеле указывал, что «толпа — это субстрат, в котором микроб зла развивается очень легко, тогда как микроб добра умирает почти всегда, не найдя подходящих условий жизни» [9, с. 42]. Весьма показательно уже то, что работы этих авторов получили названия «Преступления толпы» и «Преступная толпа». Г. Лебон, в свою очередь, применил последнюю формули-

ровку для наименования одной из глав своей книги [7], однако в самом ее начале высказал утверждение, что понятие «преступление» не более применимо к толпе, чем к тигру, пожирающему свою добычу. В отличие от обычных преступников, люди, попавшие под действие непреодолимой силы внушения, уверены в том, что исполняют свой долг. Таким образом, по Г. Лебону, их поступки могут быть преступными с точки зрения закона, но не с позиций психологии. Н.К. Михайловский [8] отмечал, что толпа становится преступной не в силу неких имманентных свойств, но лишь при определенных экономических, политических, нравственных и иных условиях. В других обстоятельствах она не менее способна к подвигу и самопожертвованию, чем к убийству и разрушению.

Так или иначе, все исследователи толпы видели в ней потенциальный источник общественной опасности, слепую стихийную силу, подчиняющую мысли и чувства каждого и грозящую бедствиями тому, кто окажется на ее пути. Единст-

венным исключением в этом ряду стала теория Льва Наумовича Войтоловского (1875—1941), основные положения которой были опубликованы в 1904 и сформулированы в завершённом виде в 1925 году. Ее автор, выступая с позиций «по другую сторону баррикад», считал, что феномен толпы оказался неправильно понят и, более того, нарочито искажен одиозными представителями буржуазной науки.

Студент, исключенный из университета за участие в массовых беспорядках, мобилизованный врач, прошедший обе империалистические войны, председатель совета армейских выборных особой (гвардейской) армии в дни Февральской революции, делегат второго Всероссийского съезда Советов, доброволец Красной Армии, демобилизованный после контузии на польском фронте, позже публицист, писатель и литературный критик, Л.Н. Войтоловский воспринимал себя в роли одного из строителей того мира, для которого толпа не являлась чужеродной стихией. Уже в первой его работе [2] содержатся слова о классовой солидарности, творческом энтузиазме масс, социальных идеалах в сознании большинства, о предчувствии борьбы за материальное и моральное могущество. Через двадцать лет на правах полноправного представителя победителей он с большей уверенностью пишет о «неотразимых» законах истории, грядущих завоеваниях социализма, партии как вожде пролетариата, вождах партии — уникальных людях будущего, непрерывном нарастании духа «коллективного восторга» и особенной «прибавочной энергии» человеческих собраний [3; 4].

Особую неприязнь вызывала у него «вульгарная теория» Г. Лебона, пытаю-

щегося приставить «старую дворянскую голову к демократическим массам» [4, с. 36], описать, «как все устроено самым предусмотрительным образом догадливым буржуазным провидением» [4, с. 37]. Если, рассуждал Л.Н. Войтоловский, вожаки действительно обладают неким качеством обаяния, способным посеять «заразу», а толпа наделена непомерной жаждой им повиноваться, то как объяснить тот факт, что верховодят в ней как раз «зловредные» агитаторы, а «власть имущие предпочитают почему-то вступать в состязание с вожаками не с помощью таинственной силы обаяния, а при содействии хотя и менее пленительной, но более надежной силы — жандармов и полицейских»? [4, с. 38]. Немногим лучше оказались, по его мнению, научные труды Н.К. Михайловского и Г. Тарда, чрезмерно увлекшихся анализом патологии, а не психологии масс.

Согласно воззрениям Л.Н. Войтоловского, авторы классических теорий, настойчиво приписывая толпе преступные наклонности, черты порока, стадного легкомыслия, интеллектуального убожества, угнетения личности, руководствовались представлениями о мелкобуржуазных скопищах как единственно им известных, проявили пристрастие к субъективному социологизму, в основе которого лишь игра словами, «бесплотная фикция, алхимия коллективной души», наконец, в полной мере обнаружили «аристократическое полупрезрение-полунедоверие к черни» [3, с. 21, 27].

Надо заметить, что идея о том, как пробуждение классового сознания кардинально изменяет сущность толпы, долгое время пользовалась популярностью в российских революционных кругах. Еще в 1904 году Л. Троцкий на стра-

ницах «Искры» писал, что полупьяные скопища псевдопатриотических погромщиков разительно отличаются от подлинно одухотворенной пролетарской массы, электризованной «огненными лозунгами революции и свободы» [12, с. 103–104]. При этом пролетарская масса наделялась способностью дисциплинировать каждого из своих членов, не только удерживать от преступления, но и поднимать от повседневных забот и частных интересов до высот истинного благородства и великодушия.

Однако в процессе перехода от уничтожения старого порядка к построению нового общества идеализированное представление о нравственном потенциале толпы, пусть даже состоящей из представителей «передового класса», уходило в прошлое. Уже с конца 20-х годов толпа перестала восприниматься в качестве союзника, вновь приняла характер враждебной стихии, противопоставленной иерархически структурированным и, следовательно, более предсказуемым и управляемым социальным объединениям. Ее научное изучение стало означать политическую ошибку, если не преступление. Как следствие, теория Л.Н. Войтоловского «устарела» почти сразу же после своего опубликования, а заранее анонсированная «Психология коллективного творчества» (третья часть его труда) так и не вышла в свет.

В том что касается обвинений авторов классических теорий в заведомом субъективизме их трактовок, Л.Н. Войтоловский не был одинок. Ту же позицию занял создатель другой теории толпы советского периода — академик В.М. Бехтерев [1], пытавшийся разработать новую науку о социальных общностях на строго объективной основе. Если

для В.М. Бехтерева естественнонаучным фундаментом разрабатываемых идей стало учение о коллективных рефlekсах, то для Л.Н. Войтоловского в этой роли выступила теория эмоций Джемса-Ланге. Согласно ее положениям, наше сознание воспринимает как определенную эмоцию изменения, происходящие в мышцах, сосудах и внутренних органах в связи с совершением поведенческого акта [5; 6]. Иначе говоря, сами переживания являются вторичными, выполняют функцию своеобразных «ярлыков» по отношению к явлениям собственно физиологической природы. Таким образом, появление внешнего стимула вызывает не эмоциональную, а сугубо телесную реакцию, которая несколько позже осознается в качестве определенной эмоции: «мы опечалены, потому что плачем, приведены в ярость, потому что бьем другого, боимся, потому что дрожим...» [5, с. 288].

С точки зрения Л.Н. Войтоловского, пребывание в толпе напрямую влияет на физиологию людей, способствует повышению жизненного тонуса организма, приливу энергии, что приводит к усилению эмоциональной экспансивности и импульсивности действий на фоне временного ослабления интеллектуальных возможностей и волевого начала. Поэтому неприемлемо говорить об угнетении личности толпой, не обращая внимания на взрывы человеческой силы и страсти, кипучесть эмоциональных порывов и своеобразное одухотворение. Скорее, наоборот: «Толпа, приобщая отдельную личность, концентрирует силы последней..., наделяет ее особой прибавочной энергией масс» [4, с. 96]. И тогда в могуществе коллективных порывов личность приобретает подлинную веру в себя, рас-

крывает дремлющие душевные силы, переживает радостное ощущение жизни, смелый задор и физическую мощь.

Основоположники классических теорий и их многочисленные последователи не разобрались, по мнению Л.Н. Войтоловского, в сущности толпы и потому отнеслись к ней подчеркнута свысока. Всецело сосредоточившись на гипнотической природе процессов внушения и подражания, на взаимоотношениях вожжаков и ведомых, они не уделили должного внимания закону «конденсирующего действия масс», по которому человек становится ареной усиленных токов телесной и эмоциональной энергии, начинает испытывать чувственную возбужденность от общности с другими. Таким образом, не рабская покорность, патологическая внушаемость или слепое подражание, а взаимное воодушевление, подчас поднимающееся до степеней экстаза при ощущении общей цели, общности действий, физического могущества и внутреннего единения, создают толпу. «Когда две слободские улицы, — писал Л.Н. Войтоловский, — устраивают кулачные бои и стеной идут друг на друга, то не жажда расквасить нос противнику гонит в круг стариков и малолетних, а тот пьянящий и волнующий хмель, который растет во взбудораженной толпе. Так точно и полумиллионные «ходинки» возникают не потому, что... обывателю посулили задаром пятикопеечную булку. Главная притягательная тайна таких скопищ — не пятак и не кружка, а жажда братской общности и коллективных восторгов» [4, с. 27–28].

Не отрицая известной роли подражания в общественной жизни и, в частности, в толпе, автор убеждал своих читателей, что нельзя сводить все, происходя-

щее в ней, к копированию демонстрируемого кем-то поведения. Страсти — вот подлинный двигатель каждого человека и всего общества. Соответственно, в толпе людей объединяет не временная суженность, ограниченность и подавленность сознания, не порожденная этим готовность подчиняться, а общность переживаний и стремление довести их до крайней точки кипения. Толпа жаждет повиноваться, по выражению Л.Н. Войтоловского, не более того, чем мужик «любит сечься». И вовсе не вожаки и зачинщики являются пружиной массовых действий, но, напротив, толпа выделяет временных «героев» из своих рядов, чтобы те исполняли ее актуальные желания, формулировали чувства и направляли силы. Именно она, способная повиноваться одному только голосу собственных эмоций, выступает в качестве подлинного «героя», а вожак — лишь запева-ла песни, которая сочиняется всей совокупностью собравшихся: «он полон гнева, когда она негодует, он проливает слезы, когда ей хочется плакать» [3, с. 82]. Каждый такой «герой» — не более чем этап в развитии чувств и мыслей толпы, которая его запросто создает и легко низвергает.

Так, ссылаясь на воспоминания петербургских рабочих о «кровоавом воскресень» 9-го января 1905 года, Л.Н. Войтоловский писал, что не Г. Гапон оказал фанатическое влияние на массы в силу ораторского пафоса или природного обаяния личности, а массы фанатизировали этого слабого и недалекого человека, подчинили своей воле, окружили обаянием и авторитетом, так как нашли в нем наилучшее выражение собственных стремлений. Но если бы тот вздумал вместо организации мирного

шествия с иконами, царскими портретами и хоругвями агитировать в революционном духе или предложить мирно разойтись по домам, его никто не стал бы слушать.

Другое дело — вожди, имена которых «занесены в революционные святцы». Выступив живым воплощением классово-воли, возглавив передовой отряд пролетариата, они смогли полностью овладеть доверием масс. Сами имена таких вождей становятся символом конкретных действий и целей, гарантируют общий энтузиазм, причем сохраняют такую функцию и после смерти. Обоснование этой мысли Л.Н. Войтоловский нашёл в словах «многих коммунистов», которые не раз заявляли ему, что «после смерти Ленина не только не чувствуется уныния в наших рядах, а скорее все даже как-то приободрились...» [4, с. 105]. С его точки зрения, такое вполне объяснимо: сама величавость траурных процессий, атмосфера взволнованной скорби многотысячных толп способствовали единению трудящихся и торжеству ленинских идей, стали источником массовой энергии, энтузиазма и силы.

Трудно сказать, какая судьба ждала обсуждаемую теорию, если бы приведенный Л.Н. Войтоловским перечень вождей, во-первых, оказался несколько короче, а во-вторых, не содержал пропуска имени того человека, чей политический взлет пришелся на конец 20-х годов. Впрочем, нет оснований полагать, что научное изучение феномена толпы в советский период продолжилось бы в том случае, если бы в книгах одного из ведущих авторов по данной проблематике цитаты Л. Троцкого оказались заменены ссылками на труды И. Сталина. Опыт столкновений с толпой, полученный по-

сле прихода к власти, убедил большевиков, что народные массы не всегда реагируют на магию имени того или иного вождя или формулировку идеи желаемым образом. Социальные теории необходимы там, где предполагается вступление в непосредственное взаимодействие, в данном же случае власть стала ориентироваться на средства массовой пропаганды и повседневную практику карательных органов по недопущению несанкционированных собраний.

Почему же толпа подчас оказывается способна на ужасающие преступления? Согласно Л.Н. Войтоловскому, преступные действия характерны для нее не более, чем любая иная форма экстремального поведения. Он полагал, что одно только пребывание в тесном скопище способствует непрерывному возбуждению физиологических реакций людей и усилению выраженности сопутствующих эмоций до самых крайних форм. Так, радость превращается в ликование и экстаз, ожидание, конденсируясь, переходит в опасение и испуг, испуг — в страх и панику, раздражение — в неистовый гнев и предельную жестокость.

В этом процессе им выделялось четыре этапа: «эмоционального брожения», «эмоциональной податливости», «концентрации чувства» и «коллективного действия». На первом из них среди собравшихся почти одновременно распространяются неустойчивые, совершенно различные, иногда неопределенные или противоречивые побуждения и переживания. Той толпы, которая должна обладать «коллективной душой», единством чувств, еще нет, но почва к ее образованию вполне подготовлена. На втором этапе толпа обычно обнаруживает готовность к заражению каким угодно пережи-

ванием. В этот момент она может поддаться общей жалости, проникнуться чужим горем или рассмеяться чьей-то шутке. Но смех или жалость толпы — еще не спасение для жертвы: дальнейшее нарастание энергетических процессов, вызвав соответствующие физиологические изменения, легко приведет ее к вспышке внезапной ярости. На третьем этапе поступки, жесты, слова, звуки голоса вожака или потенциальной жертвы становятся искрой, вызывающей заранее подготовленный взрыв. Теперь толпа, охваченная той или иной страстью, стремится поскорее дойти до крайних ее проявлений. И в том случае если речь идет об удовлетворении страсти к насилию и разрушению, жертве нет спасения. Ее мольбы вызовут смех, просьбы окажутся проигнорированы, а крики и слезы лишь ускорят концентрацию коллективного чувства. Наконец, на последнем этапе совместные действия послужат выполнению задачи разрядки общего напряжения.

Последовательно критикуя теоретические положения представителей так называемой психологической социологии толпы конца XIX — начала XX века, Л.Н. Войтоловский сам охотно последовал стратегии Г. Тарда [11] и С. Сигеле [9], заключающейся в чрезмерно широкой трактовке основного понятия. В его понимании, там, где людей объединяет переживание общего чувства — на митинге или парламентском собрании, театральном представлении, сектантском радении, в рабочей артели или иной организации, — везде проявляется власть толпы. Более того, ее существование не всегда предполагает одновременное присутствие множества индивидов в одном месте. Так, «чуткой и отзывчивой толпой» могут быть члены партии или даже

представители класса, «разбросанные на многие версты по самым различным углам», ибо толпа представляет собой «одну из форм совокупной работы, эмоционально согретой и спаянной общим усилием достижения» или, иначе, «ряд коллективно-согласованных действий, продиктованных единством настроений и целей» [3, с. 64].

При анализе приведенных выше формулировок следует обратить внимание на серьезный методологический просчет, состоящий в том, что одна из существенных черт феномена заслонила другие важнейшие характеристики, такие как слабая организованность толпы, отсутствие у ее членов чувства личного контроля над ситуацией, кратковременность существования в качестве социального объединения. Впрочем, в контексте обсуждаемой теории это выглядит если не вполне приемлемым, то достаточно последовательным. Труднее согласиться с двумя другими моментами. Неоправданным, в частности, представляется отнесение к обычной толпе того, что Г. Тард [11] именовал «публикой» или «толпами на дому» — условно выделяемыми большими общностями людей, получающими информацию из одних и тех же источников (газет) и благодаря этому отличающимися сходством суждений, ожиданий и интересов. Очевидно, что закономерности когнитивного и поведенческого порядка, характерные для таких, напрямую никак не взаимодействующих между собой носителей общественных настроений, имеют принципиальные отличия. Далее, некорректным с точки зрения общественных наук выглядит попытка определения феномена не по свойствам, кардинально отличающим его от других, а по неким процес-

суальным или функциональным проявлениям. Если толпа не специфичная группа, а «совокупная работа» или «коллективное действие», как это постулировалось Л.Н. Войтоловским, то предметное поле данного понятия увеличивается до невероятных размеров: «все современное устройство — со всей своей ложью, несправедливостью, со всей красотой и поэзией, фанатизмом и лирикой, мятежами, безумцами, героями и святыми духа — течет по законам скоротечной жизни толпы» [3, с. 86—87]. Вряд ли даже в те времена подобное обобщение можно было считать допустимым и целесообразным. Ведь по этой логике получается так, что к толпе нельзя отнести только случайно образовавшиеся множества людей, каждый из которых занимается своим делом, и некоторые группы, где умственная или физическая работа выполняется без «одухотворяющего порыва», но, разумеется, лишь до того времени, пока этот самый порыв не объединит их в очередную «толпу».

В оправдание автора заметим, что Л.Н. Войтоловский был лишен возможности внести какие бы то ни было коррективы, не успел он приобрести и последователей, способных усовершенствовать исходные тезисы. Стоит ли жалеть, что его идеи так и не стали в то время предметом широкого обсуждения, если учесть, что дискуссия по рефлексологической школе В.М. Бехтерева, создателя другой теории толпы, приобрела более идеологический, чем научный характер?

Слепота и развившаяся душевная болезнь дважды спасали Л.Н. Войтоловского от ареста. Но его теория, оставшаяся последней в ряду интерпретаций социально-психологической природы толпы советского периода, фактически оказалась осуждена на забвение. Остается лишь догадываться, какое влияние она могла бы оказать на развитие тех направлений общественных наук, которые связаны с изучением закономерностей массового поведения и функционирования стихийных социальных объединений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
2. Войтоловский Л.Н. Роль чувства в коллективной психологии (опыт психо-физиологического исследования толпы). Киев, 1904.
3. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии. Ч. 1. Психология масс. М.-Л., 1925.
4. Войтоловский Л. Очерки коллективной психологии. Ч. 2. Психология общественных движений. М.-Л., 1925.
5. Джемс У. Эмоция // Психология. Пг., 1922.
6. Ланге Г. Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
8. Михайловский Н.К. Сочинения: В 6 т. Т. 2. СПб., 1896.
9. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1893.
10. Тард Г. Преступления толпы. Казань, 1893.
11. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902.
12. Троцкий Л. Политические письма (две толпы) // Сочинения. Т. 4. М.-Л., 1926.

Voitlovsky's theory of crowd: key ideas

D.S. GORBATOV

*Doctor in Psychology, professor at the Department of Management
in Mass Communications, Faculty of Applied Communications,
Saint Petersburg State University*

The article describes the theory of crowd proposed by L.N. Voitlovsky in 1920s and highlights its major differences from other theories of that time. The specifics of the crowd as a social association, its disposition towards aggressive behaviour, the changes that the individual undergoes within the crowd, emotional aspects of interactions - these are the issues that were of particular interest to the author of the last crowd theory of the Soviet era.

Keyword: *crowd, social psychology of crowd, Voitlovsky's theory, quality of crowd, influence on personality, emotions of crowd.*

REFERENCES

1. *Bekhterev V.M. Kollektivnaia refleksiologiya. Pg., 1921.*
2. *Voitlovskii L.N. Rol' chuvstva v kollektivnoi psikhologii (opyt psikho-fiziologicheskogo issledovaniia tolpy). Kiev, 1904.*
3. *Voitlovskii L. Ocherki kollektivnoi psikhologii. Ch. 1. Psikhologiya mass. M.-L., 1925.*
4. *Voitlovskii L. Ocherki kollektivnoi psikhologii. Ch. 2. Psikhologiya obshchestvennykh dvizhenii. M.-L., 1925.*
5. *James U. Emotsiya // Psikhologiya. Pg., 1922.*
6. *Lange G. Dushevnye dvizheniya. Psikhofiziologicheskii etiud. SPb., 1896.*
7. *Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. SPb., 1896.*
8. *Mikhailovskii N.K. Sochineniya: V 6 t. T. 2. SPb., 1896.*
9. *Sigele S. Prestupnaia tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii. SPb., 1893.*
10. *Tard G. Prestupleniya tolpy. Kazan, 1893.*
11. *Tard G. Obshchestvennoe mnenie i tolpa. M., 1902.*
12. *Trotskii L. Politicheskie pis'ma (dve tolpy) // Sochineniya. T. 4. M.-L., 1926.*